

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ А. П. ЧЕХОВА
г. ТАГАНРОГ

А. П. ЧЕХОВ

СБОРНИК

СТАТЕЙ

И

МАТЕРИАЛОВ

ВЫПУСК II

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ А. П. ЧЕХОВА
г. ТАГАНРОГ

А. П. ЧЕХОВ

СБОРНИК
СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

ВЫПУСК 2

*Ростовское книжное издательство
Ростов-на-Дону 1960 г.*

З. Г. МОРОЗОВА

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ

Познакомилась я с Антоном Павловичем в Художественном театре, в то время, когда Чехов ухаживал за Ольгой Леонардовной. Запомнилось мне, как я сидела с ним в первом ряду на представлении пьесы «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». В этой пьесе Книппер играла Майю Рубек.

Ближе я познакомилась с Антоном Павловичем, когда он в июне 1903 г. приезжал в Звенигород, а оттуда в Воскресенск и остановился у нас в имении Покровское-Рубцево, в двух-трех верстах от города.¹ Под Воскресенском продавался участок, принадлежавший П. С. Усову. Чехов предполагал поселиться под Москвой, так как его приезды в Москву после юга были опасны для здоровья, и Остроумов советовал ему выбрать хорошее место под городом, избегая пребывания в самой Москве.

Узнавши о том, что у нас будет Чехов, местный священник о. Гавриил² просил меня, нельзя ли ему познакомиться и поговорить с Чеховым. Я спросила Антона Павловича, как бы он отнесся к этому визиту. Чехов, обычно застенчивый в раз-

говоре, избегавший любопытствующих и новых знакомых, на знакомство с о. Гавриилом, однако, согласился. У нас в доме была большая зала, вроде зимнего сада, там состоялось свидание. Антон Павлович сидел на кончике тахты, а священник — напротив него, тоже на кончике кресла, и оба молчали. Я как раз проходила мимо. Мне бросилась в глаза унылая фигура Антона Павловича. Ноги были беспомощно сложены, они были так худы и с такими острыми коленями, что по ним одним можно было судить о болезни Антона Павловича. Невольно вспоминается студент, как он описан в последнем рассказе Чехова «Невеста», — по его ногам героиня рассказа увидела, что он тяжело болен и едва ли проживет долго. Заметив, что Антон Павлович и отец Гавриил сидят друг против друга и не находят, о чем говорить, я к ним присоединилась и постаралась наладить разговор.

В той же зале был широкий диван с большим количеством подушек. Антону Павловичу нравилось сидеть на нем. За те несколько дней, что он провел у нас, мы часто сидели на этом диване. Он любил здесь пофилософствовать; после первоначальных заминок в разговоре наши отношения наладились, и Антон Павлович очень просто и непринужденно стал со мною разговаривать. Часто он повторял: «Если бы у меня был такой диван, я ничего бы не делал, а только сидел и думал».

Вместе с Антоном Павловичем приехала и Ольга Леонардовна. Чехов был настолько слаб, что сам не поехал осматривать участок, предположенный к покупке, а ездила Ольга Леонардовна. Мы сидели за обедом в липовой аллее, когда Ольга Леонардовна вернулась с дачи Усова. Между Антоном Павловичем и Ольгой Леонардовной была разительная разница: он — болезненный и уставший от жизни, она — довольная, веселая, как в деревни говорят — ядреная женщина, жизнерадостная. Вернулась Ольга Леонардовна в восхищении от участка: «Ах, Антон. Мне так понравилось: прекрасное местоположение, какой замечательный закат». Слова Ольги Леонардовны покорили Антона Павловича. Он раздраженно встал из-за стола и сказал: «А подумала ли ты о том, как я, больной человек, зимой, в шести верстах от города, без врача, буду там жить». Чехов разволновался и ушел в дом.

Вставал Антон Павлович очень рано. Когда еще все спали, мы с ним в семь часов утра пили кофе. Тут он умел беседовать очень душевно и сердечно. Он говорил о том, что у него страшная тоска, что он не знает, что писать. «Все, что я

¹ Чехов писал сестре 15 июня 1903 г.: «Был я в Звенигороде... потом поехали в Воскресенск или Новый Иерусалим. Здесь пошел дождь. Остановились в имении Морозова. Были в городишке, он все такой же скучный и приятный... есть одно чудесное местечко за церковью на высоком берегу, со спуском к реке, со своим собственным берегом и с чудесным видом на монастырь. Матери и бабушке очень бы понравилось это место, но я не купил и не куплю, так как цены в Воскресенске теперь необычайные. За этот клочок земли в одну—полторы десятины с домиком просят десять тысяч... Я бы четыре тысячи дал. Уж очень хороший вид, простор, застройка никак нельзя и чистенькое местечко, незагаженное, и берег свой, можно верши ставить... Я прожил 2 суток у Зинаиды Морозовой в Рубцево, бывшем Голохвастовском имении» (ПСС, т. XX, стр. 110—111).

² Гавриил Боголюбский. В архиве Чехова сохранилось его письмо к Чехову от июня 1903 г., в котором Боголюбский предлагает для покупки три десятины земли у Н. И. Петровской за 4000 р.

писал раньше, прошло, а как писать дальше — не знаю. Это меня мучает».

Антон Павлович всю жизнь увлекался рыбной ловлей. И у нас он ходил на пруд и часами с удочкой в руках сидел на плече, а рядом с ним — наша англичанка, мисс Дора, тоже за рыбной ловлей, молчащая и занятая своим делом. Англичанка не владела совершенно русским языком, а Чехов не понимал по-английски. Изредка они друг другу улыбались. И невольно вспоминалась сцена из «Дочери Альбиона».

Покупка Чеховым дачи не состоялась. В начале следующего года я перенесла в Покровское другой дом, предполагая, что им воспользуется Чехов, но жизнь Антона Павловича была на исходе, и в новом доме он так и не побывал.

Я восхищалась его рассказом «Душечка», вышла Чехову подушечку с надписью «За Душечку» и послала ее ему в Ялту¹. В письме, которое теперь утрачено, Чехов ответил мне: «Моя Душечка не стоит такой подушечки»; тут же он мне писал, что многие строгие дамы были недовольны его рассказом: «Пишут мне сердитые письма».

После посещения Чеховым Покровского мы в Москве стали видеться чаще.

Помню, я раз проезжала мимо магазина Носова. На замерзшем окне мне очень понравилась камелия. Я зашла в магазин, взяла цветок и отправилась к Антону Павловичу.

— Стою ли я такой камелии, — сказал он мне, когда я ему привезла цветок. Он сидел в своем кабинетике очень грустный, прижавшись к углу дивана.

Дело было к вечеру, окна выходили на запад, был чудесный закат. В Замоскворечьи зазвонили к вечерне.

Чехов сказал:

— Люблю церковный звон. Это все, что у меня осталось от религии — не могу равнодушно слышать звон. Я вспоминаю свое детство, когда я с нянькой² ходил к вечерне и заутрени.

Потом он немного помолчал и сказал:

— Собираюсь уехать в Ниццу.

— Очень хорошо. Там тепло, солнце, а здесь такая суровая зима.

— Я еду не к солнцу, а к людям. У меня там друзья.

¹ Сохранилось недатированное письмо Морозовой к Чехову, в котором она писала: «Мы посылаем вам почтой посылку, где вложена будет подушка, которую мы работали вместе с Машей для вас, она рисовала, а я вышивала, а Савва Тимофеевич помогал нам раскрашивать».

² Агафья Александровна Кумская (о ней см. М. Чехов «Вокруг Чехова», стр. 53).

Вошла Ольга Леонардовна, усталая, после репетиции «Вишневого сада», недовольная и в плохом настроении. Когда она вышла, Чехов сказал: «Больше пьес я писать не буду».

Постановка «Вишневого сада» в Художественном театре ему не нравилась; впрочем он об этом не любил распространяться. Театр понял «Вишневый сад» не так, как сам Антон Павлович задумал пьесу. В воображении ему представлялось все гораздо шире и грандиознее. Тот же дом, показанный в третьем действии, казался ему величественнее.

За обедом он почти ничего не ел. Я ему привезла икры. Он съел маленький кусочек и больше ни до чего не дотрагивался.

Была я на его чествовании. Антон Павлович сидел грустный в кресле. По выражению его лица казалось, что он не слушал приветствий. Он казался безучастным, как бы отсутствующим.

В последний раз я видела Антона Павловича месяца за два до смерти. Я только что вернулась в Москву. Мне передали, что Антона Павловича увозят за границу лечиться. Я поехала его навестить.

Жил тогда Антон Павлович в очень неудобной квартире, в Леонтьевском переулке, на третьем этаже.

Меня встретила Ольга Леонардовна и сказала, что Антон Павлович себя чувствует очень плохо и едва ли он выйдет. Я все-таки просила сказать о себе. Он вышел очень быстрой походкой и начал ходить из угла в угол; первые слова, которые он сказал, были:

— Вы знаете: я очень, очень болен, меня посылают за границу.

На это я ответила: «Поедьте лучше к нам в Покровское. Дом для вас готов и все наши вас ждут».

Несмотря на болезненное состояние, он спросил меня о здоровье моих девочек¹; одну из них, Елену, он называл белым грибом.

Он еще два раза повторил: «я очень, очень болен», — и с этими словами ушел в свою комнату.

Это было наше последнее свидание.

Я в своей жизни видела много людей, но другого такого человека, как Антон Павлович не встречала. Мне всегда казалось, что благодаря своей скромности он все же оставался недооцененным.

¹ Марии и Елены. В архиве Чехова сохранилось два их письма. В одном — они благодарят Чехова за подаренную им Антоном Павловичем книжку «Каштанка».

Зинаида Григорьевна Морозова (ум. 1942 г.) рожд. Зимина, вторым браком была за Саввой Тимофеевичем Морозовым (1863—1905), директором правления товарищества Никольской мануфактуры и председателем правления МХАТ'а. Ему посвящена глава в книге Станиславского — «С. Т. Морозов и постройка театра» («Моя жизнь в искусстве», стр. 419—424). Горький писал о Морозове: «Морозов был исключительный человек по широте образования, по уму, социальной прозорливости и резко революционному настроению» («Известия» от 23 декабря 1926 г.).

В противоположность мужу З. Г. Морозова держалась консервативных взглядов и соответствующего уклада жизни, не разделяла революционных тенденций Саввы, недолюбливала Горького, относясь к нему настороженно. Но она была в высшей степени общительной женщиной, имела открытый фешенебельный салон хорошо известный в Москве; дружила с Витте, Шаляпиным, поддерживала связь со многими артистами. Чеховым она восхищалась, искала с ним встреч, ей неизменно хотелось сделать ему что-нибудь приятное. Она сумела подметить отдельные черты обреченного на смерть писателя. В своих мемуарах Морозова говорит о скрытом недовольстве Чехова постановкой «Вишневого сада» в Художественном театре, о его сомнениях по поводу того, о чем он будет писать в будущем, о раздумиях, о том, как бы он смог жить под Москвой и т. п.

Воспоминания записаны со слов З. Г. Морозовой 9 января 1940 г. П. С. Поповым. Рукопись хранится в ЦАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 342.

Публикация П. С. ПОПОВА.